

УДК 101.1:316"312"

ОБЩЕСТВО ВНЕ ЯЗЫКА: СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ Р. БАРТА

Бражникова Я. Г.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: ilyana77@yandex.ru

В статье предложено своего рода введение в проблематику поздних социально-философских исследований Ролана Барта (1915–1980) в свете его ставших уже классическими работ о языке. Попытка мыслить коммуникацию и «жизнь-вместе» вне языковых оппозиций «речь – письмо», «означающее – означаемое» и т. п. приводит Барта к новому образу как языковой системы, так и самого социального мира. «Нейтральное письмо», к которому обращены ранние тексты Барта, обнаруживает этико-политическое измерение. Социальное, как и язык, не сводится ни к уникальному, ни к универсальному. Вопрос о «социальном», таким образом, освобождается от образа «языковой тюрьмы» и трансформируется в задачу описания пространственных моделей «жизни-вместе».

Ключевые слова: Ролан Барт, социальное, сообщество, язык, нейтральное, утопия.

Социальная утопия, преодолевающая языковую предопределенность, – один из ключевых сюжетов нововременной рефлексии. В XX столетии он получил неожиданное развитие в работах Ролана Барта, где выход к социальному вне языка позволяет иначе взглянуть как на сообщество, так и на языковую систему.

Цель данной статьи – уточнить и расширить бартезианскую концепцию соотношения *языка* и *социального*, знакомую отечественной гуманитаристике по его ранним текстам, в свете недавней публикации на русском языке его курса лекций в Коллеж де Франс «Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности» (1976–1977) [3]. В рамках подобного «перепрочтения» нашей задачей становится, прежде всего, обращение к интерпретации ставших классическими работ Барта о языке [1; 2] в контексте проблемы обоснования социального мира. Что позволяет решить и еще ряд задач, в частности, объяснить ту потребность в утопическом макетировании социального, которую сам Барт объявляет целью учебного курса в 1976-м [3], показать неслучайность такого «произвольного», «фантазматического», как выражается сам лектор, хода.

Смещение фокуса от критического, ироничного и радикального анализа форм массовой культуры к утопическому построению возможной идеальной формы сосуществования, которое мы наблюдаем в поздних разработках французского интеллектуала, связано с переосмыслением повседневности и ритма социальной жизни: «Утопия коренится в некоторой повседневности. Чем настоятельнее эта повседневность для человека (для его мысли) – тем сильнее (тщательнее

разработана) утопия» [3, с. 47]. По-видимому, именно это и предопределило «неудачу» курса лекций Барта: в ходе последней лекционной встречи он сам признается, что все выявленные им «принципы идиорритмической утопии» не могут стать утопией социальной, в отличие от Фаланстера или даже платоновского «Государства» [3, с. 236–237]. Однако это лишь подчеркивает значимость предпринятого поиска. Принципы *идиорритмии*, «изобретенные» Бартом, если и не дают образа идеального несуществующего пока общества, то вводят в пространство того, что сам он оценивает следующим образом: «Утопия в собственном смысле этого слова, утопия как форма Высшего Блага» [3, с. 240]. В наши задачи не входит рассмотреть все следствия этого бартезианского открытия, мы постараемся лишь зафиксировать тот путь к утопии идиорритмической «жизни-вместе», который связан со статусом *речи, языка, имен* и выдвигаемой в ранних работах Барта идеей «общества без языка».

Ранние статьи Барта нередко воспринимаются в качестве манифеста «языковой тюрьмы»: изменение общества возможно только через изменение языка. Однако вопреки этому образу бартезианской мысли, для которой сообщество немислимо вне языка, мы можем видеть в ней иные, противоречивые желания: попробовать обойтись *без языка* [8] или успешно «обойтись с языком», которого не понимаешь [2].

Барт замечает, что лингвисты более озабочены вопросом «что есть социальное», нежели социологи – проблемой языка. Сообщество может мыслиться прежде всего как язык. Это, однако, не означает, что оно может быть расшифровано, подобно языковому коду, или представлено как совокупность «дискурсов», образующих повседневные пространства. Именно язык как система знаков, несводимая в отдельности ни к письму, ни к речи, ни к тексту, являет тот образ мира, который является ближайшим к опыту социального. Другой вопрос: как мыслится сам язык, не подменяется ли он представлением об атемпоральной системе линейных соответствий, для которой социальное будет выступать лишь как объект описания, регистрации, классификации? Образ языка как системы воспроизводит и одновременно конструирует представление о социальном целом, а в конечном счете – само это целое. Сообщество обосновано в некоторой «точке до языка», которую М. Мерло-Понти называл «точкой тишины, из которой изъясняется мир» [11, с. 372]. В ней не только нет еще «общения», «коммуникации», «бытия-с-другим», но даже «нет еще человека». Когда Барт обратится к феномену «жизни-вместе», законное место в нем сразу же займут животные, цветы, комнаты, кулинарные блюда. Социальное предсуществует появлению человека.

Известно, что Ф. де Соссюр определял язык как «результат общественного соглашения», как «общественное установление» [6, с. 22, 70]. Барт, напротив, неоднократно указывал на то, что само социальное единство является результатом языкового производства: письмо выступает как «производство социального единства» [1, с. 322]. Оба тезиса отсылают к третьему: язык, как и социальное, возникает в измерении, которое существует *до* единого сообщества, *до* единой языковой системы. Отсюда двойственность и принципиальная незавершенность, присущие обеим «системам»: как сообщество не может быть удовлетворительно

репрезентировано в какой-либо речи, не может быть опрошено и проговорено, так и язык не является «средством общения», то есть средством передачи сообщений в уже существующем сообществе. Сообщество возникает как речь и сохраняется как язык. Возникновение языка (имен, различий, знаков) сопровождает и производит внутреннее деление социального пространства, в котором одновременно устанавливаются и называются ключевые границы и различия.

Когда Ф. де Соссюр утверждает, что возникновение языка является социальным фактом, а именно фактом общественного соглашения (конвенции), он тем самым воспроизводит известную социально-политическую парадигму договора. Отражением ее являются и ряд дихотомий, воспроизводимых Соссюром: синхронии и диахронии, индивидуального и социального и т. д. Вместе с тем он же обращает внимание на добровольно-принудительный статус языка: «Этот факт, кажущийся противоречивым, можно было бы, грубо говоря, назвать “вынужденным ходом”. Языку как бы говорят: “Выбирай!”, но тут же добавляют: “вот этот знак, а не другой!” Не только отдельный человек не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, какой он есть (*telle qu'elle*)» [6, с. 70]. В этом смысле язык, как свидетельствует Барт, скорее «заставляет», чем позволяет нечто сказать.

«Произвольность языка» подразумевает несводимость его к какой-либо внешней обоснованности, невозможность рационализировать соответствия, которые в нем возникают. Невозможно установить правило, лежащее в основании соответствия означающего означаемому в различных языках, правило, открывающее путь к универсализации разделенных (социально, исторически, географически и т. д.) языков, а также позволяющее выявить механику построения поэтического текста. Именно радикальная случайность, которую Соссюр кладет в основание языка, превращает его в социальный факт и делает его социальным установлением.

Соссюровское различие между языком как готовым продуктом – социальным явлением, принимаемым «непреднамеренно», и речью как индивидуальной, многообразной и второстепенной деятельностью, которая приобретает характер установления только когда превращается в факт языка и принимается всем языковым коллективом, – имеет условный характер. Язык, как и сообщество, обоснован в промежутке между «коллективным» и «индивидуальным», пассивным и активным, произвольным и преднамеренным. Оба имеют характер структуры в том значении этого понятия, которое подразумевал М. Мерло-Понти, когда говорил, что структура практикуется говорящими и действующими «сама собой»: «скорее она их имеет, чем они ее» [5, с. 132]. Это социолингвистическое единство структуры имеет еще одно важное следствие, также подмеченное Мерло-Понти: признак диакритичности лингвистического знака, описанный Соссюром, непосредственно приложим к описанию социального взаимодействия. «Когда Соссюр говорит, что лингвистический знак диакритичен, – то есть, что он действует только благодаря своему отличию, в силу определенного расхождения между ним и другими знаками, а не потому, что вызывает в представлении определенное

позитивное значение, – он подчеркивает единство языка..., систематизацию, которая осуществляется в языке до того, как станет известным его идеальный принцип» [5, с. 132].

Собственно, именно эта «нетрансцендируемость» как языка, так и сообщества делает необходимой «эйнштейнову революцию в лингвистике» [1, с. 527], которую в 1973 году Р. Барт выдвигал как своего рода исследовательскую программу. Уже тогда он обращал внимание, что при традиционном научном анализе языков «едва ли не упускается из виду самый животрепещущий вопрос: непрозрачность социальных отношений» [1, с. 527].

В известном смысле этот поворот к «лингвистике лингвистики» будет осуществлен нелингвистом П. Бурдьё: наряду с проектами «социологии социологии» и «философии самой философии», вопрос о языке был рассмотрен им в работе с дважды говорящим названием «Что значит говорить?» («Ce que parler veut dire» – дословно: о чем говорит говорение? что хочет сказать высказывание?) [10]. Эта книга, созвучная в своей «наивной» постановке вопросу названию курса лекций Барта «Как жить вместе» [3], интересна тем, что в ней также внимание сосредоточено на взаимосвязи правления и речи – Rex, Regnum и Regula, которую Барт рассматривал прежде всего в связи с ритмом и пространством, в режиме «без языка» [3, с. 212].

Так, Бурдьё ставит вопрос, с ответа на который, наверное, должен был бы начинаться любой курс общей лингвистики: что может сказать нам сам язык о самой практике пользования языком? Иными словами: что означает само слово «говорить» и какой ряд значений за ним стоит? Этот вопрос ставился уже М. Хайдеггером в работе «Путь к языку». В переводе В. В. Библихина этимологию «языка» Хайдеггер выводит через «сказ» к «показу» [7, с. 265]. Во французском языке возникает совершенно иной этимологический ряд: dire (сказать, говорить) связано с droit (право, правый) и непосредственно отсылает к глаголу diriger (править). «Говорить» и «править» связаны в грамматическом, политическом, педагогическом смыслах и обнаруживают своеобразную гомологию. Акт говорения сам является актом установления правила, которое вместе с тем предшествует ему и руководит им – правит, направляет. Язык перформативен по своей сути: он осуществляет то, что сам устанавливает. Правило структурирует язык в самой речи. Говорить, таким образом, – значит прежде всего осуществлять правило, лишая его статуса замершей, неподвижной структуры.

Язык вводит фундаментальные социальные измерения (статусы, переходы, различия) и одновременно скрывает и маскирует их, превращая в знаки. Речь правит. В этом контексте Бурдьё рассматривает *ритуалы перехода* (или *ритуалы установления*, характерным примером которых могут служить как древние, так и современные разновидности инициаций) как действия, направленные на легитимацию границы, отделяющую посвященных от непосвященных (социализованных от несоциализованных). Смысловое целеполагание иницируемого направлено на переход из одного состояния в другое, на узнавание скрытого от него смысла, на «познание себя самого». Между тем действительная цель, которую ненамеренно он реализует, заключается в легитимации социальной

границы, которую подтверждает сам акт перехода. Подобным образом, высказывание нацелено на выражение определенного смысла, но вместе с тем говорящий, который оживляет систему языка, воспроизводит – и, возможно, в новом качестве – социально значимые структуры [10, с. 21].

Всякое высказывание имеет ненамеренное социальное измерение, однако социальный опыт осуществляется до, а возможно, и вопреки высказываемому смыслу, хотя и совершается именно в языке, в речи, а не в пространстве «невывыказываемого». В «Империи знаков» Барт описывает собственное попадание в иную языковую систему как опыт непереводаемого, немислимого, который одновременно является опытом открытия «идеологии самого нашего языка». Тот, кто попадает в иное языковое пространство, не включен в практику инструментального использования языка – в «плоскость социальности и общеупотребительности» языка. Он находится как бы на его границе, благодаря этому ему приоткрывается социальная работа значения и знака, которая протекает по ту сторону коммуникации. Это позволяет увидеть «преломляющиеся в этом новом языке невозможности нашего языка; выучить систему непостижимого; создать наше “реальное” по законам иного монтажа, иного синтаксиса; обнаружить немислимое до этого положение субъекта в обществе» [2, с. 2–3], сместить топологию собственного языка. Смещение высвечивает основание той речи, которой мы владеем, и одновременно «чистую значимость» незнакомого языка. «В этой самой стране (Японии) империя означающих настолько широка, настолько превосходит речь, что обмен знаками сохраняет ..., подвижность, утонченность, несмотря на непроницаемость языка, а иногда даже благодаря этой самой непроницаемости», – замечает Барт [2, с. 18].

Благодаря расширению за границы того, что мы обычно связываем с речью и языком (означающее, означаемое, субъект, высказывание, смысл), обмен знаками направляет нас от поверхностной социальности, от «либерального пользования языком» (Барт) – к сообществу, которое не исчерпывается ни в каком отдельном высказывании и не поддается выпрямлению в линейной практике письма. Речевое и письменное удвоение общения предстает в этом случае как комментарий, лишаящий сообщение его собственного, нелинейного смысла и придающий общению статус «коммуникации». Хокку – упражнение в некоментировании, весьма непростое для привычных нам форм понимания, которые фатально сопряжены с анализом, пересказом, отделением главного от второстепенного. О невозможности брать/держать и даже передавать слово в режиме «либерального пользования» будет свидетельствовать курс Барта «Как жить вместе» и одновременный ему семинар «Держать речь» (1976–1977) в Коллеж де Франс. Позже именно этот ход будет активно эксплуатироваться Ж. Бодрияром в разработке гомологии неограниченной лингвистической и экономической продуктивности: «Одна и та же историческая мутация обеспечивает переход от социальных формаций, где материальные блага, число индивидов и произнесение слов более или менее строго ограничены, изъяты из свободного оборота и контролируются в рамках символического цикла, – к “современным”, то есть

нашим, социальным формациям, для которых характерна бесконечная продуктивность, как экономическая, так и лингвистическая ...» [4, С. 335].

Язык и сообщество ускользают как от универсализации, так и от уникализации одновременно. Ни как *stadium*, ни как *punktum* они не представлены. В обоих случаях мы имеем дело с искусственным объектом, ибо «упускаем непрозрачность социальных значений» (Барт), с одной стороны, и «непроизводимость сообщества» (Ж.-Л. Нанси) – с другой. В «Нулевой степени письма» Барт делал ставку на нейтральное письмо, связывая с ним утопию нейтрального сообщества. Нейтральное еще вернется и станет центральной – этико-политической – темой курса в Коллеж де Франс 1977–1978 гг. [9]. Однако выход за пределы контракта лингвистического/социального Барт совершает в курсе «Как жить вместе», где саму проблему социального и вопрос о сообществе предложено мыслить *вне языка*.

К примеру, в том сообществе, которое Барт предлагает утопически макетировать в ходе учебного курса о «романических симуляциях повседневных пространств» [3], в принципе нет места *именам*. Политические функции языка переосмыслены. Прознести: «Барт, Ролан!» – значит уже *править* [3, с. 187]. В «идеальном обществе», согласно Барту, нет имен, прозвищ, нет даже ласкательных имен – *каритативов*. Ласкание меняет мир посредством языка, присваивает его, не различая одушевленного и неодушевленного. Ласкательный язык маркетинга и глянца («пальтишко», «сумочка», «букетик») уже предполагает и *производит* «личность», которая «достойна» этих «столь незначительных» приношений.

При этом Барт перелицевал теорию социального в том числе и на уровне языка, дав Сообществу новое имя – жизнь-вместе. И уже само это имя выводит его из давних споров о природе социального, о сути Сообщества, о пресловутой intersubъективности, о бесконечной инаковости Другого. Более того, как только появляется «Другой» – все потеряно; мы вовлекаемся в бесконечную игру аппрезентаций и уже не надеемся вернуться к жизни-вместе. Вероятно, именно поэтому Барт признается, что роман Дефо его захватывает ровно до того момента, как появляется какой-либо другой (туземцы, Пятница). Понятие «жить-одному» в большей степени раскрывает социальное, нежели «история коммуникаций». С появлением Другого «мощное очарование этой книги пресекается. Это очарование – именно в повседневности, лишенной событий» [3, с. 165]. Таким образом, спасительные спекуляции вокруг «Со-бытия» также не объясняют банальной жизни-вместе и выступают в ней «эксклюзивным опытом».

Сама постановка вопроса «Как жить вместе?» радикально упрощает даже те допустимые концептуальные компромиссы, на которые отваживалась рефлексия в поисках «феноменологии социального», «бытия-с-другими» и форм «трансцендентальной апперцепции». Даже если бы не сохранились аудиозаписи курса и заметки лектора не дошли до нас, но сохранилось бы краткое «Резюме» [3, С. 248] (сухой остаток прочитанного курса, который каждый преподаватель предоставлял в Коллеж де Франс по его окончании), он стал бы событием в истории Социального. Барт обошёл бесконечный тупик, в который неизбежно упиралась философия в поисках обоснования социального мира. От разоблачения

«фундаментальной структуры» повседневности, от обнажения механизмов, по которым «функционирует» социальность и коммуникация, Барт обращается к бережному культивированию коллективного фантазма. Точнее, конкретного – личного и все же открытого для всех соучастников – фантазма совместной идиорритмической жизни. Социальное не сводится к функциональной схеме; оно – *форма*, а «форма дорогого стоит» [3, с. 9]. Эту мысль П. Валери можно, пожалуй, считать новым принципом экологии *социального*, которое, как показал Барт, и не подчинено языку, и не стремится подчинить его.

Однако именно здесь мы обнаруживаем – на новом уровне – ту самую интимную взаимосвязь *общества* и *языка*, которую было бы слишком просто сводить к господству и подавлению, к «языковой тюрьме». Отношения между языком и социальным более чем просто родственные. Социальное тавтологично. Социум – знак себя самого и ничего другого. Маркс призывал видеть не «общество» (субстанцию), но «общение» (событие). Батай показал, что «общество» – выколота точка, из которой разворачивается общество. В «Империи знаков» Барт настаивал: «...смехотворно пытаться оспаривать устройство нашего общества, ни на минуту не задумываясь о границах того языка, при помощи которого ... мы претендуем его оспаривать: все равно, что пытаться уничтожить волка, удобно устроившись в его пасти» [2, с. 18]. В связи с этим он призывал «упражняться в неправильной грамматике» [там же]. Обращаясь к описанию общества как такового (в отличие от «нашего общества»), мы обнаруживаем, что социальное и язык не просто гомологичны в своей грамматике, но представляют собой *одно и то же*, где ни одно не может быть «первичным» по отношению к другому.

Таким образом, мы попробовали показать, что «неудавшийся» проект учебного курса Ролана Барта 1976–1977-х годов, включающий в себя утопию «общества без имен и языка», с одной стороны, обоснован в его предшествующих утопических идеях, с другой – существенно их корректирует вместе с самими представлениями о *социальном*, *языке* и их соотношении. Язык, выступавший в ранних работах Барта предметом *пересобирания*, как политическое отправление становится выходом к «непрозрачности социальных отношений» и поводом для обращения к неречевым идиорритмическим моделям «жизни-вместе», учитывающим множественность и вариативность, а не элиминирующим ее. Утопичность этого идеала «жизни-вместе» очевидна, оттого и не менее продуктивна. Мы можем видеть, что пространство языка, империя знаков шире любых возможных способов ее репрезентировать – точно так же, как и идеал социального взаимодействия не сводится ни к одной социально-утопической модели.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – пер. с франц. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
2. Барт Р. Империя знаков. – пер. с франц. – М.: Праксис, 2004. – 144 с.
3. Барт Р. Как жить вместе: Романические симуляции некоторых пространств повседневности. Конспекты лекций в Коллеж де Франс, 1976–1977 г. – пер. с франц. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 272 с.
4. Бодрияр Ж. Символический обмен и смерть. – пер. с франц. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
5. Мерло-Понти М. Знаки. – пер. с франц. – М.: Искусство, 2001. – 429 с.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – пер. с франц. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
8. Barthes R. Le Degré zéro de l'écriture suivi de Nouveaux essais critiques, Éditions du Seuil, Paris, 1971.
9. Barthes R. Le Neutre. Cours au Collège de France (1977-1978). Paris: Seuil/IMEC, 2002.
10. Bourdieu P. Ce que parler veut dire (L'économie des échanges linguistiques). Paris. Fayard, 1982
11. Merleau-Ponty M. Phenomenologie de la perception. Paris, Presses Universitaires de France, collection « Quadrige », 1990

Brajnikova Y. G. Community Out of Language: the R. Barthes's Social Utopia // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 3. – P. 53–60.

This article is a kind of introduction to the problems of the late, socially philosophical, works of Roland Barthes (1915–1980) in the light of his already classic works on language. An attempt to think about communication and “living-together” outside of linguistic oppositions like speech-writing, meaning-signified, etc. leads Bart to a new image of both the language system and the social world itself. The “neutral letter” to which Barthes's early texts are addressed reveals an ethical-political dimension. “Social”, like language, is not reduced to either unique or universal. The question of “social”, thus, is freed from the image of the “language prison” and is transformed into the task of describing the spatial models of “living-together”.

Key words: Roland Barthes, the social, community, language, the neutral, utopia.

References

1. Bart R. Izbrannye Raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, Univers, 1994. 616 p.
2. Bart R. Imperiya Znakov [Empire of Signs]. Moscow, Praksis, 2004, 144 p.
3. Bart R. Kak Zhit' Vmeste: Romanicheskie Simulyatsii Nekotorykh Prostranstv Povsednevnosti. Konspekty Lektsii v Kollezh de Frans, 1976 – 1977 [How to Live Together Novelistic Simulations of Some Everyday Spaces]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016, 272 p.
4. Bodriyar Zh. Simvolicheskii Obmen i Smert' [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet, 2000, 387 p.
5. Merlo-Ponti M. Znaki [Signs]. Moscow, Iskusstvo, 2001, 429 p.
6. Sossyur F. Kurs Obshchei Lingvistiki [Course in General Linguistics]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo Un-ta, 1999, 432 p.
7. Khaidegger M. Vremya i Bytie: Stat'i i Vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika, 1993, 447 p.
8. Barthes R. Le Degré Zéro de l'écriture Suivi de Nouveaux Essais Critiques, Éditions du Seuil, Paris, 1971, 185 p.
9. Barthes R. Le Neutre. Cours au Collège de France (1977-1978), Paris, Seuil/IMEC, 2002, 272 p.
10. Bourdieu P. Ce que Parler Veut Dire (L'Economie des Echanges Linguistiques). Paris. Fayard, 1982, 243 p.
11. Merleau-Ponty M. Phenomenologie de la Perception. Paris, Presses Universitaires de France, Collection «Quadrige », 1990, 531 p.